

ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 5.9.6)

Научная статья

УДК 81

doi: 10.18522/2070-1403-2023-99-4-116-121

ФУНКЦИИ АТРИБУТОВ В НЕМЕЦКОМ ТЕКСТЕ

© *Саян Халимовна Умарова*¹, *Аксана Бунхоевна Гацаева*², *Элиза Сулимановна Мовтаева*³

¹*Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, г. Грозный, Россия;* ^{2,3}*Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный, Россия*

¹*gayana626@mail.ru* ²*ksjusha06@mail.ru* ³*elizamovt@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается формирование разряда атрибутов на основании их подчинительной связи с существительным, где атрибуты понимаются и как члены со значением качественного или количественного признака предмета или другого признака, присоединение которого к соответствующему компоненту, представляемому разными частями речи, не обусловлено валентными потребностями последних. В грамматике немецкого языка превалирует изначальное отнесение всех членов, подчиненных существительному, к разряду атрибутов.

Ключевые слова: атрибут, прагмалингвистика, интродуктивно-бытийная функция, лингвотекстовый, функционально-грамматический.

Для цитирования: Умарова С.Х., Гацаева А.Б., Мовтаева Э.С. Функции атрибутов в немецком тексте // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 99. № 4. С. 116-121. doi: 10.18522/2070-1403-2023-99-4-116-121

PHILOLOGY

(specialty: 5.9.6)

Original article

Attribute functions in German text

© *Sayan Kh. Umarova*¹, *Aksana B. Gatsayeva*², *Eliza S. Movtaeva*³

¹*A.A. Kadyrov Chechen state university, Grozny, Russian Federation;* ^{2,3}*Chechen state pedagogical university, Grozny, Russian Federation*

¹*gayana626@mail.ru* ²*ksjusha06@mail.ru* ³*elizamovt@mail.ru*

Abstract. It is considered the formation of the category of attributes on the basis of their subordinating connection with a noun, where attributes are also understood as members with the meaning of a qualitative or quantitative attribute of an object or another attribute, the attachment of which to the corresponding component represented by different parts of speech is not due to the valence needs of the latter. In the grammar of the German language, the initial assignment of all members subordinate to the noun to the category of attributes prevails.

Key words: attribute, pragmalinguistics, introductive-existential function, linguotextual, functional-grammatical.

For citation: Umarova S.Kh., Gatsayeva A.B., Movtaeva E.S. Attribute Functions in German Text. *The Humanities and Social Sciences*. 2023. Vol. 99. No 4. P. 116-121. doi: 10.18522/2070-1403-2023-99-4-116-121

Введение

Изучение языка с позиций его коммуникативно-функциональной сущности, определяющее развития языкознания в последние десятилетия, естественно обусловило повышение интереса к связному тексту как наглядному проявлению этой сущности. Сложность понятия «текст» породила не прекращающиеся до настоящего времени дискуссии о его статусе, объеме и границах, а его реальность обусловила возможность и необходимость обращения к тексту при различных ракурсах языковедческих исследований – прагмалингвистическом, лингвотекстовом, функционально-грамматическом.

Несмотря на существенные различия между этими направлениями, их справедливо считать в известной мере комплементарными, как-то отмечают многие их представители, подчеркивая, кроме того. Что эти направления не отрываются от традиционной лингвистики,

принимая целый ряд ее положений, но разрабатывая более фундаментальные и коммуникативно активные основания для их интерпретации. Значимость взаимного стимулирования различных по специализации и времени возникновения лингвистических направлений очевидна. Так, оценка речевой компетенции говорящего в свете прагмалингвистики предполагает знание потенциального диапазона языковых средств, из которых говорящий может произвести выбор применительно к тому или иному речевому акту, и немаловажный вклад в пополнение этого фонда знаний вносят построение функционально-семантических полей в рамках функциональной грамматики, а также традиции изучения грамматических категорий конкретных языков. Сходным образом взаимосвязано изучение слова, предложения и текста. Не приходится отрицать, что «значение слова и смысл предложения лучше всего могут быть поняты не просто в результате обоюдного сопоставления, но и при рассмотрении каждого из названных феноменов на фоне семантического содержания текста». Сказанное можно отнести и к членам (компонентам) предложения: наименование «член предложения» не должно, конечно, подразумевать, что исключается анализ функций члена как носителя определенного содержания или способа представления определенного содержания в строении текста. Вместе с тем описание организации текста нуждается в операционных понятиях различных единиц более низких рангов: среди прочих в подобных описаниях используются и понятия членов предложения, поскольку применение предложений с тем или иным качественным и количественным составом членов – существенный текстохарактеризующий показатель. Их применение подлежит оценке и в прагмалингвистическом ракурсе [1, с. 66].

Обсуждение

Термин «атрибут» в языковедении неоднозначен и служит для обозначения явлений, совпадающих лишь отчасти. Это – атрибут как логическое понятие сущностного, необходимого свойства, признака объекта в отличие от его акциденции. С этим понятием сосуществует лингвистическое понятие признака на семантическом уровне отвлеченной реляционной структуры как одной из ее релятем, которая может получить различное воплощение в конкретном высказывании, в том числе – в виде синтаксического атрибута. Атрибуты понимаются и как члены со значением качественного или количественного признака предмета или другого признака, присоединение которого к соответствующему компоненту, представляемому разными частями речи, не обусловлено валентными потребностями последних. Для грамматической науки традиционно формирование разряда атрибутов на основании их подчинительной связи с существительным. В русистике это происходит иногда вместе с параллельным отделением атрибутов от присубстантивных дополнений по критерию значения определительного признака/ объекта. В грамматике же немецкого языка превалирует до сих пор изначальное отнесение всех членов, подчиненных существительному, к разряду атрибутов. Здесь для устойчивости данной точки зрения имеются видимые внешние основания – специфика порядка слов немецких предложений, в тектонике которых атрибут в отличие от других членов не занимает «отдельного места». Однако есть ли такое объединение лишь дань хотя и наглядному, но только конструктивному свойству или в этом конструктивном свойстве нашла проявление своего рода идеотническая «синтаксическая интерпретация» определенного типологического содержания? На обсуждении содержательной стороны атрибутов в течение долгого времени концентрируются усилия многих германистов, ибо, как известно, лингвистический анализ вообще редко ограничивается формальным аспектом, даже если он берется как исходный. Что может быть выражено атрибутами? Зачем они вводятся в высказывание? Почему данное содержание воплощается именно в форме атрибутов – действуют ли здесь причины семантического или коммуникативного порядка? Эти вопросы остаются в рабочей программе германистики [3, с. 120].

Исходное выделение атрибута по критерию его подчиненной зависимости от существительного воспринимается нередко как постулат для рассмотрения его формы и содержания по принципу симметрии: если атрибут подчинен существительному, то и его функции должны выявляться в пределах этой связи. Тем самым задается лишь семантический ракурс его интерпрета-

ции, притом ограниченный весьма узкими рамками сопряжения от подчиненного члена к господствующему имени или их взаимодействия. Описание атрибута выносится даже из описания предложения в раздел «субстантивные соединения» или «субстантивные словосочетания».

Попытки истолковать с этих позиций общее содержание атрибута как выражение уточняющего признака субстанции нельзя признать удовлетворительными: аморфны, по сути дела, типичные для подобного подхода формулировки вроде «Das Attribut ist jede nähere Bestimmung eines Substantivs». Это побудило многих исследователей заняться выяснением фактических семантических разновидностей соотнесенности атрибута и господствующего имени, результаты которого фиксируются в целом наборе бинарных противопоставлений с разными критериями разграничения. Так, различаются присубстантивные члены: атрибутивные / акцидентные в логическом плане, атрибуты определительные / изъяснительные, обозначающие признаки собственные / реляционные, абсолютные / процессуальные или результативные, вещественные / оценочные, обусловленные / не обусловленные содержательной валентностью господствующего имени, семантически согласующиеся / не согласующиеся с ним и т.д. Добытые таким образом данные отнюдь не безразличны для лингвистики, причем они не только свидетельствуют о многообразии видов семантического содержания, передача которого доступна конструктивной форме атрибутов, но могут отчасти использоваться также для семантической субкатегоризации существительных, если учитывать тенденции избирательности разных групп существительных в сочетаемости с теми или иными видами атрибутов. И все же эти данные остаются статическими констатациями, пока они не задействованы в анализе речевых произведений и не поставлены вопросы: для чего служат атрибуты в речи, по какому принципу они отбираются для высказывания. Современное понимание грамматики в широком смысле как «правил» «порождения» осмысленного высказывания и, соответственно, правил понимания содержания этого высказывания», а синтаксиса как «грамматики связной речи» не позволяет более считать эти вопросы компетенцией лишь стилистики. И согласно положениям направления функциональной грамматики, задача исследования состоит не только в том, чтобы описать структурное устройство и категориальное значение языковых единиц, но и в том, чтобы выяснить их потенциальные и целевые функции.

При подходе к семантической дифференциации атрибутов от речи, текста релевантно разграничение их по информативным типам, по функциям в отображении тех или иных категорий коммуникативно-речевого акта, отражающихся в тексте. Оно не сводится к узуальному противопоставлению вещественных – оценочных атрибутов. Более целенаправлено разграничение, во-первых, атрибутов денотативного (диктального) плана – они достаточно изучены – и модусного плана, а далее разграничение среди атрибутов второго типа таких, которые отражают:

1. отношение говорящего к денотату (референту) как его интеллектуальную или эмоциональную оценку – это обычная трактовка оценочных атрибутов: *ein langweiliger / grossartiger Film, ein schönes/hässliches Gesicht* и т.д.;
2. намерение говорящего вызвать у реципиента определенное модальное отношение к предмету речи и соответственно последующие действия: *ein nicht zu unterschätzender Entschluss; eine hier besonders zu beachtende Frage; ein Buch, das du unbedingt lesen musst...* и т.д.;
3. указание на степень известности предмета речи самому говорящему / реципиенту, конкретному, групповому, обобщенному, с целью ссылки на компетентность собственного суждения о данном предмете или мобилизации некоторого участка в фонде знаний реципиента или сигнализации о новизне для него сообщаемого: *Kollege Müller, den ich gut kenne,...*; *ein mir von Kindheit an vertrautes Märchenbuch,...*; *dieses Buch, das ich mehrmals gelesen habe,...* / *Kollege Müller, den auch Sie sicher kennen,...*; *das Buch, von dem Sie bestimmt schon gehört haben,...*; *das allgemein bekannte Werk dieses Schriftstellers / einer meiner Kollegen, den Sie noch nicht kennen,...* и т.д. [2, с. 292–297];

Речевой подход опосредует переосмысление в функциональном направлении и некоторых других упомянутых семантических дифференциаций атрибутов. Например, он наглядно демонстрирует, что разграничение валентно обусловленных / не обусловленных атрибутов имеет лишь относительную значимость. Как известно, семантико-валентностные критерии стали применяться вначале в сфере сочетаемости глагола, принимаемого за центральный член предложения, и использовались при выделении структурно-семантических моделей глагольных предложений. В таком же статусе они были приложены к атрибутивно-субстантивным соединениям и служили главным образом для показа на парадигматическом уровне их пропозиционального родства с глагольными построениями в качестве номинализации последних. Наблюдения над текстами установили, что валентно прогнозируемые существительным члену в речи не реализуются весьма часто, чаще, чем при глаголе. На уровне синтагматики этот факт воспринимается как проявление того, что имя функционирует в роли повторной номинации, не принадлежит к составу «нового». Ср. необходимость атрибута при первичной номинации и его факультативность при повторе: *Auf unserem Plan für heute steht die Besichtigung der Ausstellung – *Auf unserem Plan für heute steht die Besichtigung / Heute besichtigen wir die Ausstellung im Russischen Museum. Die Besichtigung (der Ausstellung) dauert etwa zwei Stunden.* Дополнительно следует проследить потенции дистанцирования такой повторной номинации от первичной в тексте [4, с. 709].

Большая часть атрибутов в речевых образованиях задана не валентными запросами господствующего имени, не его парадигматической лексико-грамматической разрядностью, а живыми коммуникативными потребностями, отраженными в принадлежности текста к определенному регистру речи, жанру, функциональному стилю, авторскому стилю. Изучение конкретных применений атрибутов по этим критериям включается в обследование соответствующих текстов: пока здесь преобладают описания, основанные на стиле отдельных авторов, но есть и интересные работы о различной атрибутивной сочетаемости существительных одного подкласса в текстах разных типов.

Конкретные функции атрибутов должны определяться прежде всего в соответствии с типом текста, а также их отнесенностью к коммуникативно-тематической перспективе текста, его разворачиванием. Представляется, что согласно последнему критерию можно говорить о трех основных видах этих функций: выделительно-интродуктивных, собственно-информационных, актуализирующих. Такие функции нередко реализуются в известных совмещениях, и каждая из них имеет свои подвиды. Остановимся на некоторых из них, менее известных [5, с. 350].

Наряду с функцией выделения одного объекта из множества однородных по некоторому опознавательному показателю, обычно внешнему, именуемому атрибутом (*Der Mann am Tisch, Der Mann, der neben mir sass, и т.п.* – в ситуации одновременного наличия ряда лиц) существует интродуктивно-бытийная функция, направленная на поддержание логической связности текста-повествования. Вот как она дана в собственно авторской речи кратких новелл, повествовательная композиция которых легко прослеживается. Тематическим стержнем повествования является обычно главный персонаж, который вводится в содержательную ткань текста с самого начала или близко к нему и далее воспринимается как уже известное лицо, причастность которого к излагаемым событиям формирует вертикальную связанность текста. По ходу повествования в тексте называются новые субстанциональные объекты. Чем меньше предопределено их введение предшествующим изложением, чем меньше оно опирается на пресуппозицию о нормативных связях, о принадлежности объекта к отображаемой ситуации, тем более такое введение нуждается в дискурсивной опоре и получает ее большей частью в форме атрибутивных придаточных предложений, причем последние строятся с той или иной прономинативной отсылкой к тематическому стержню – главному персонажу [6, с. 22].

Например, без атрибутивного придаточного разрушилась бы смысловая нить рассказа на месте предложения *Als Martin zu den drei alten Frauen kommt, die seine Grosstanten sind, fühlt er sich herausgerissen aus seinem Dasein, einsam und verloren in einer fremden Welt*, ибо ничто в

предтексте, повествующем о привычной для мальчика Мартина жизни дома, не наводит на мысль о наличии у него старых родственников, которых он навещает. Атрибутивное придаточное постпозитивно компенсирует отсутствующую интродукцию новых действующих лиц, указывая на релятивную их отнесенность к сквозному главному персонажу. Еще пример: *Er setzte sich an den Schreibtisch am offenen Fenster und starrte geradeaus auf eine grosse gelbe Rose, die jemand ihm dort ins Wasser gestellt hatte* [7, s. 395]. В повествование о действиях героя включается как новый предмет его внимания «большая желтая роза»; поскольку наличие цветка не прогнозируется общей характеризующей ситуацией, упоминание о его бытии в данных условиях нуждается в логическом оправдании и находит его через атрибутивное придаточное. Атрибутивные придаточные в этом и предыдущем примерах, несмотря на разницу в конкретном семантическом содержании, сходны по целевой функции в тексте – функции присоединения к повествованию нового и не ожидаемого заранее элемента, и объяснения его бытия относительно текстового локализатора – главного персонажа. Напротив, необходимая принадлежность впервые называемого референта к обозначенному в предтексте, его предуготованность в бытии в данной ситуации редуцирует значимость атрибутивных придаточных указанного подвида как логических скреп в смысловой структуре нейтрально разворачиваемого повествования, перемещая ее в область стилистической выразительности: *Wenzel schaut hoch. Er steht in einer Drogerie. Die Augen des jungen Drogisten, der vor ihm steht, funkeln belustigt hinter der Brille*. В общем строении текста интродуцирующе-бытийные атрибуты являются «тупиковыми ответвлениями», не подхватываемыми в его дальнейшем развитии [8, s. 1064].

Выводы

Закономерный ход исследования, согласно принципам функциональной грамматики, состоит в том, что исследователь может отпираться от формы, устанавливает ее содержательные возможности и затем обращается к поиску новых форм, способных реализовать то же или близкое содержание. Таковы и пути исследования атрибутов. В лингвистике с давних пор обсуждается вопрос о сходстве/различии «атрибутивных» и «предикативных» отношений, поскольку они принадлежат к типу отношений характеристики, но характеристика реализуется в них неодинаково – как разные способы представления, а, может быть, и осмысления одного объективного содержания. Не ставя себе задачей подробный анализ этого вопроса, отметим только, что в современных дискуссиях этот вопрос выведен за рамки предложения и с должным основанием связывается с общей проблемой информационно-композиционной организации текста. В центре внимания исследователей находятся при этом соотношения линейности и глубины речевых произведений, тема-рематические отношения текста, кванта информации и «предикатного выражения» (пропозиции), статического и динамического в языковых единицах, предикации и предикативности, аранжировка предложений в тексте, его смысловая восприимчивость, прагматичность применения в тексте, его смысловая восприимчивость, прагматичность применения в тексте последовательности простых предложений или сложных блоков с сочинительной / подчинительной связью и т.д. От того, как будут решены эти общие и весьма сложные вопросы, зависит и ответ на вопрос о том, почему в тексте применяется именно структура с атрибутом, а не иная, диктально синонимичная ей, а также о том, насколько коммуникативно одно- / расположены конструктивные подвиды атрибутов – «простых», обособленных и атрибутивных придаточных предложений. Разумеется, одновременно будут продолжаться исследования фактического речевого материала.

Список источников

1. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка (система отношений и система построения). Л., Изд-во «Наука», 2003. 366 с.
2. Арсеньева М.Г., Нарустранг Е.В. Немецкая грамматика: Учебник. СПб.: Антология, 2007. С. 292–297.

3. *Горохова И.М., Филиппова Н.А.* Пособие по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков: Учебное пособие для студентов институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1985. С. 120.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М., 2002. 709 с.
5. *Мальцева Д.Г.* Немецко-русский фразеологический словарь с лингвострановедческим комментарием. Die deutschen Redensarten und Sprichwörter im Spiegel der Geschichte und Kultur: около 1300 95 фразеологических единиц. М.: Азбуковник, Русские словари, 2002. 350 с.
6. *Проскура Я.В.* Атрибутивные конструкции в немецком языке: когнитивные и функциональные аспекты // Автореф. на соиск. канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 22 с.
7. *Dreyer H.* Lehr- und Übungsbuch der deutschen Grammatik / H. Dreyer, R. Schmitt, Donauwörth, 2012. 395 s.
8. Duden: Richtiges und gutes Deutsch: Das Wörterbuch der sprachlichen Zweifelsfälle: Band 9 / redaktionelle Bearbeitung: Dr. A. Klosa unter Mitarbeiter von A. Auberle, Berchtesgarden, 2011. 1064 s.

References

1. *Admoni V.G.* Syntax of the modern German language (system relations and the system of construction). Leningrad, Nauka Publishing House, 2003. 366 p.
2. *Arsenyeva M.G., Narustrang E.V.* German grammar: Textbook. SPb.: Anthology, 2007. P. 292–297.
3. *Gorokhova I.M., Filippova N.A.* Handbook of comparative grammar of German and Russian languages: Textbook. M.: Higher School, 1985. 120 p.
4. Linguistic encyclopedic dictionary / Edited by V.N. Yartsev. 2nd ed., supplement. M., 2002. 709 p.
5. *Maltseva D.G.* German-Russian phraseological dictionary with linguistic and cultural commentary. Die deutsche Redensarten und Sprichwörter im Spiegel der Geschichte und Kultur: about 1300 95 phraseological units. Moscow, 2002. 350 p.
6. *Proskura Ya.V.* Attributive constructions in German: cognitive and functional aspects // Abstract thesis. Barnaul, 2006. 22 p.
7. *Dreyer H.* Lehr- und Übungsbuch der deutschen Grammatik / H. Dreyer, R. Schmitt, Donauwörth, 2012. 395 s.
8. Duden: Richtiges und gutes Deutsch: Das Wörterbuch der sprachlichen Zweifelsfälle: Band 9 / redaktionelle Bearbeitung: Dr. A. Klosa unter Mitarbeiter von A. Auberle, Berchtesgarden, 2011. 1064 s.

Статья поступила в редакцию 25.05.2023; одобрена после рецензирования 05.06.2023; принята к публикации 15.06.2023.

The article was submitted 25.05.2023; approved after reviewing 05.06.2023; accepted for publication 15.06.2023.